ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации Аллы Маратовны Григорян
«Невербальное поведение героев в художественном мире Н. В. Гоголя»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Отдельные формы невербального поведения персонажей (жесты, мимика, позы, взгляд и пр.), неречевые средства и способы коммуникации, особенности их передачи в художественном тексте, невербальный язык героев определенного типа не раз становились предметом лингвистических и литературоведческих исследований, различающихся как охватом материала, так и принципами анализа. Гоголеведческие работы в этом ряду не исключение. Как справедливо замечает А. М. Григорян, интерес к невербальной выразительности гоголевского текста имеет давнюю историю: соответствующие наблюдения содержатся уже в трудах Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, А. Белого, опубликованных в 1910–1930-е гг. Не угасал он и позднее, реализуясь в изучении поэтики жеста, телесности, окаменения, смеха и молчания и пр. (работы Ю. В. Манна, В. Н. Турбина, И. Видугирите, В. А. Подороги и многих других). В то же время тема оставалась на периферии исследовательского внимания, и, хотя к настоящему времени накоплен серьезный опыт в осмыслении невербальных характеристик гоголевских персонажей, ее нельзя считать исчерпанной. В частности, едва ли можно говорить о том, что ранее ставилась цель системно описать разнообразные проявления невербального поведения героев на материале всей художественной прозы Гоголя — рассмотреть их «в единстве и взаимосвязи», а также «выявить принципы организации невербального поведения персонажей в структуре гоголевского текста» (с. 10 диссертации). Это делает исследование А. М. Григорян особенно **актуальным**.

Не менее существенно и то, что изучение невербальных характеристик героев позволяет конкретизировать представление о способах изображения человека у Гоголя, выяснить, как соотносятся внешнее и внутреннее, произвольное действие и непроизвольная реакция, способность героя видеть и его способность понимать. Как показывает автор работы, телесные реакции персонажей могут передавать то, что не получает развернутого психологического объяснения, а взгляд — обнаруживать расхождение между восприятием явления и пониманием его смысла. Через внешние проявления поведения раскрываются внутренняя жизнь героев, их социальный статус, нравственные качества и иные значимые черты. При этом, согласно полученным результатам, одна и та же форма поведения не обязательно имеет раз и навсегда закрепленное значение. Неподвижность может выражать страх или восхищение, но может быть и устойчивой характеристикой бездеятельного существования; протянутая рука — просьбу, стремление к контакту, обладанию или власти и т. д. Таким образом, системный анализ невербальных деталей дает возможность уточнить художественную функцию внешне сходных проявлений и избежать

их упрощенного истолкования. В этом также состоит актуальность проведенного исследования.

Научная новизна работы определяется тем, что различные формы невербального поведения персонажей Гоголя впервые становятся предметом специального диссертационного исследования, направленного на их систематизацию и выявление их художественных функций. К тому же анализ значимых невербальных характеристик героев (за исключением собственно паралингвистических) охватывает весь корпус повествовательных произведений писателя, взятых в хронологической последовательности. А. М. Григорян делает также ряд ценных новых наблюдений. В частности, отталкиваясь от предложенной Ю. В. Манном «формулы окаменения», она расширяет представление о мотиве неподвижности в гоголевском творчестве. Понятие неподвижности, подчеркивает Алла Маратовна, охватывает не только состояние «окаменения», но и другие формы телесного застывания (одеревенение, оцепенение, остолбенение и т. д.), а также статичные позы, причем эти невербальные составляющие гоголевских образов семантически многозначны. Попутно заметим: автор работы в каждом случае стремится показать, что повторяемость тех или иных внешних проявлений не означает неизменности их смысла, выясняя, какие признаки сохраняются при повторении модели, а какие меняются в зависимости от контекста. Качеством новизны обладает предложенная в диссертации типология взгляда героя в художественном мире Гоголя (см. вторую главу).

Теоретическая значимость исследования видится в уточнении представлений о невербальном поведении персонажей как компоненте художественной характерологии и авторской поэтики. Кроме того, А. М. Григорян выработала и апробировала собственный подход к анализу невербальных характеристик, на который можно ориентироваться при обращении к сходной проблематике.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении невербального поведения литературных героев (не только гоголевских) и при рассмотрении различных аспектов поэтики Гоголя. Материалы диссертации могут найти применение в преподавании истории русской литературы и обучении анализу художественного текста, а приведенные автором примеры — стать основой учебных заданий, направленных на выявление смысловой роли художественной детали.

Научные положения и выводы работы в целом представляются обоснованными: они опираются на широкий круг гоголевских сочинений, подкрепляются конкретными текстовыми наблюдениями и последовательно вытекают из проведенного анализа. Важно и то, что Алла Маратовна учитывает существующую научную традицию: ею изучены основные гоголеведческие труды, осмыслены исследования, так или иначе касающиеся анализа невербальных средств изображения в произведениях Гоголя. В собственном анализе автор исходит из теоретических положений о формах поведения персонажа как одном из важнейших способов его характеристики, о смыслообразующей функции невербальных деталей в структуре художественного текста и о

зависимости их значения от контекста (с. 3–5 диссертации). При разработке теоретической основы А. М. Григорян учтены также труды по кинесике и невербальной коммуникации, позволившие уточнить понятийную базу исследования. Все это дает основания считать полученные результаты достоверными.

Структура диссертации логична и оптимальна. Оговорив сложность максимально полного учета всех невербальных характеристик гоголевских персонажей, связанную с их высокой вариативностью и многообразием, Алла Маратовна выделяет наиболее репрезентативные формы невербального поведения, которые объединяет в две группы — кинесику и окулесику (собственно паралингвистические формы остались за рамками диссертации, поскольку они уже были изучены и описаны Н. В. Сироткиной). Соответственно работа состоит из двух глав, каждая из которых посвящена рассмотрению невербальных проявлений, входящих в одну из групп.

Во **введении** представлено обоснование темы, ее новизны и актуальности, охарактеризована степень ее изученности, определены основные параметры исследования. Здесь же Алла Маратовна поясняет используемую терминологию, в частности уточняет содержание понятия «поведение персонажей» (с. 4), а также обозначает свой подход к анализу невербальных форм поведения в произведениях Гоголя, подчеркивая, что будет рассматривать «невербальные характеристики как целостную систему, обладающую как инвариантными чертами, так и гибкостью и вариативностью в составе всего гоголевского творчества» (с. 9).

Первая глава диссертации («**Гоголевская кинесика**») представляет собой развернутое исследование форм телесного поведения персонажей: мимики, жестов, телодвижений и разновидностей неподвижности, которые рассматриваются как значимые составляющие художественного языка Гоголя. В первом разделе главы систематизированы мимические проявления эмоций гоголевских героев. При этом автор работы не ограничивается установлением связи между невербальной реакцией и выражаемым ею эмоциональным состоянием, а обращается к способам художественного воссоздания этой реакции, в частности к роли тропов и стилистических фигур. Такое внимание к словесному воплощению телесного поведения позволяет связать наблюдения над психологией персонажей с анализом гоголевской поэтики. Отдельно рассмотрены изменения цвета лица и тела. Существенно, что их значение не сводится к однозначному обозначению определенной эмоции: в работе убедительно показана зависимость этих значений от ситуации, связь указанных невербальных реакций с испугом, смущением, угасанием жизни или присутствием потустороннего. Во втором разделе в центре внимания А. М. Григорян оказываются прежде всего крестное знамение и жест протянутой руки. Здесь особенно ценными нам кажутся аргументированные суждения Аллы Маратовны о полисемантичности молитвенного жеста в гоголевских сочинениях и о его «многослойности» в повести «Тарас Бульба» (с. 41–42 диссертации). Продуктивно сопоставление многочисленных случаев протягивания руки, выражающих совершенно разные побуждения (просьбу, стремление к контакту, оказанию помощи или обладанию). Тем самым выявляется смысловая изменчивость

внешне сходного движения, обусловленная намерениями персонажа и характером ситуации. Методологически важно и проведенное автором вслед за Г. Е. Крейдлиным различие между жестом, имеющим знаковый характер, и «физиологическими, чисто утилитарными движениями человеческого тела» (с. 49). Наиболее развернуто в первой главе рассмотрен мотив неподвижности (третий раздел). Не останавливаясь на нем подробно (см. об этом выше), отметим обоснованность выделения автором работы как общей смысловой основы этого мотива («семантического инварианта», по определению А. М. Григорян) — сильного переживания или потрясения, так и его многообразных и содержательно разных вариантов (см. подраздел 1.3.1). Заслуживает внимания анализ сидячих, стоячих и лежачих поз героев. Он позволяет провести грань между неподвижностью как эмоциональной реакцией и характеристикой жизненного поведения персонажей, а также содержит ряд любопытных частных наблюдений (см., например, с. 72–73 — примеры из «Повести о том, как поссорился…»).

Вторая глава («**Типология и семантика взгляда персонажа в мире Гоголя: гоголевский человек и его глазное поведение**») посвящена анализу взгляда как одного из значимых средств создания образа в художественном мире Гоголя. Ее несомненное достоинство — в широком охвате материала и стремлении систематизировать разнообразные формы зрительного поведения персонажей, установив их психологические, социальные и символические функции. В основе этой систематизации лежат направленность, неподвижность и световая выразительность взгляда, рассматриваемые в трех разделах главы. В первом случае автор работы исследует взгляд, направленный на природные и предметные объекты, и различные формы непрямого взгляда; во втором — разновидности неподвижного взгляда и их смысловое наполнение; в третьем — световую семантику глаз. При этом особую ценность имеют конкретные наблюдения А. М. Григорян над смысловой изменчивостью сходных зрительных жестов, зависящих от ситуации, характера персонажа и его отношений с окружающими. Следует также подчеркнуть стремление Аллы Маратовны рассматривать невербальную деталь не изолированно, а как часть целого (взгляд — в его связях с речью, мимикой, телодвижениями, предметным окружением и развитием действия). Так намечается выход к существенным вопросам гоголевской поэтики: соотношению внешнего и внутреннего, видимого и действительного, одушевлению вещи и овеществлению человека.

Все разделы глав завершаются выводами, придающими рассуждениям автора диссертации завершенность.

В **заключении** подведены общие итоги и намечены перспективы дальнейшей разработки темы.

Исследование, охватывающее столь обширный и разнообразный материал и представляющее собой первый опыт его систематизации, не может не вызвать вопросов. Однако высказываемые ниже замечания не снижают общей высокой оценки работы.

1. Порой в диссертации не хватает отсылок к конкретным текстам, поэтому читателю приходится верить автору работы на слово. Так, например, на

с. 22 Алла Маратовна пишет: «Улыбка в гоголевских произведениях бывает разной: “самонадеянной”, “язвительной”, “довольной”, “самодовольной”, “приятной”, “плутовской”, “веселой”, “приятной” и даже “полусердитой”. Это многообразие подчеркивает тонкую наблюдательность Гоголя и его мастерство в передаче человеческих эмоций». Но в каких произведениях и ситуациях встречаются эти характеристики? Конечно, не обязательно иллюстрировать каждую из них цитатой, да и привести все собранные примеры в тексте диссертации невозможно. Вероятно, в таких случаях выручило бы приложение, содержащее материал, послуживший основой анализа, и указания на источники.

2. Некоторые промежуточные выводы в работе уступают по содержательности предшествующему анализу. Так, на с. 23 читаем: «Из приведенных выше примеров видно, что движение бровей как вверх, так и вниз может свидетельствовать о непонимании или удивлении». В общем-то и без приведенных примеров мы можем истолковать эти мимические проявления подобным образом. Интереснее было бы уточнить, что в их изображении и художественных функциях специфично именно для Гоголя. См. также вывод на с. 46, который лишь констатирует то, что и так следует из описания поступка («Следовательно, подмена колдуном своей руки на дерево с целью избежать железных оков говорит об обмане»).

3. Иногда выбор слов представляется не вполне точным с исторической точки зрения. Так, неясно, кого именно диссертант подразумевает под «интеллигенцией» гоголевского времени (с. 75), критику которой предположительно усматривает в описании «поведения философов» (с. 74) в повести «Вий».

4. Не всегда ясно, в какой мере автор диссертации разделяет приводимые ею мнения других исследователей. Порой они включаются в текст как положения, не требующие обсуждения. Так, на с. 119 приводится мнение Р. М. Гафарова, связывающего сосредоточенность Гоголя на одной доминирующей черте характера с влиянием эстетики классицизма. Согласна ли с таким объяснением Алла Маратовна? И как оно соотносится с ее последующим выводом о психологически нюансированном изображении героев? Эти положения не обязательно противоречат друг другу, но связь между ними хотелось бы увидеть более отчетливо. Еще один пример — суждение Г. В. Сегалина о том, что у писателя был расстроен аппарат внимания (с. 147–148 диссертации). Поддерживает ли Алла Маратовна эту точку зрения или приводит ее как одно из существующих объяснений?

Повторим еще раз, что высказанные замечания имеют очень частный характер и не влияют на общую оценку работы, безусловно заслуживающей поддержки.

Резюмируя, подчеркнем: поставленная диссертантом цель достигнута, все задачи выполнены; положения, выносимые на защиту, подтверждены ходом анализа и полученными результатами. Диссертация А. М. Григорян является актуальным для гоголеведения завершенным, самостоятельным исследованием, имеющим теоретическую и практическую значимость, достаточную степень новизны. Обоснованность и достоверность основных положений и

выводов не вызывают сомнений. Список использованной литературы обширен (212 наименований) и свидетельствует о научной эрудиции соискателя.

Автореферат и опубликованные работы (шесть статей, три из которых — в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ) полностью отражают содержание диссертации. Этапы и результаты исследования были представлены на международных и всероссийских научных конференциях.

Диссертация «Невербальное поведение героев в художественном мире Н. В. Гоголя» соответствует критериям пунктов 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842 (в действующей редакции), и паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (п. 3 — История русской литературы XIX века (1800–1890-е годы); п. 8 — Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломление в художественно творчестве; п. 19 — Взаимодействие литературы с другими видами искусства), а ее автор, Григорян Алла Маратовна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Кандидат филологических наук
(специальность 10.01.01 — русская литература),
старший научный сотрудник
отдела русской классической литературы
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской Академии наук»
121069, Москва, ул. Поварская, 25 а, стр. 1
телефон: +7 (495) 690-50-30
E-mail: info@imli.ru
Web-сайт: www.imli.ru

Голодняк Оксана Владимировна

12.11.2026

Персональные контактные данные:
Голодняк Оксана Владимировна,
121069, Москва, ул. Поварская, 25 а, стр. 1, каб. 19
Тел. +7 (903) 133-19-76
E-mail: gavrilchenko-oksana@yandex.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.